

УДК 330.162

**ЧТО ПОРОЖДАЕТ КОРРУПЦИЮ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА
ИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ?
(К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ)**

Белокрылова Ольга Спиридоновна заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: belokrylova@mail.ru

Вахтина Маргарита Анатольевна доктор экономических наук, проректор, Поволжский государственный университет сервиса (445677, Россия, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4). E-mail: vahtinama@mail.ru

Аннотация

На основе положения об «ограниченной морали», определяющей оппортунистическое поведение, в статье обосновывается необходимость совершенствования социальных институтов в целях обеспечения принципов социальной справедливости. Представлена оригинальная типология оппортунизма, зависящая от степени экономической свободы участников рынка. С этих теоретических позиций авторы предлагают институциональные меры, направленные на преодоление активного (коррупционного) и пассивного оппортунистического поведения.

Ключевые слова: *ограниченная мораль, ограниченная рациональность, активный оппортунизм, пассивный оппортунизм, социальные институты, коррупция.*

Коррупция, являющаяся одним из видов оппортунистического поведения, представляет собой, как известно, серьезную угрозу для устойчивого экономического и социального прогресса. При этом ее острота в современной России, как нельзя, высока [1, с.78–89]. Могут ли институциональные преобразования оказать воздействие на экономическое поведение, и какими должны быть эти преобразования, чтобы люди проявляли в хозяйственной деятельности (как и в любой другой) свои лучшие качества: честность, ответственность, взаимопонимание? Именно на эти вопросы мы постараемся ответить в данной статье.

С оппортунистическим поведением связывают различные случаи невыполнения обязательств, игнорирование норм закона и неформальных установлений, обман и другие формы недобросовестного поведения в целях реализации частных интересов, ухудшающих положение других. Что может лежать в основе таких неблагоприятных поступков? С одной стороны, к отклонениям от общественно эффективных экономических действий могут приводить неполнота и асимметричность информации. В таком случае причина неудач кроется в несовершенных когнитивных (познавательных) способностях человека из-за нехватки времени, недостаточности или отсутствия возможности эффективной обработки и анализа имеющейся информации. Поведенческая теория, в соответствии с которой люди (это могут быть любые экономические агенты) не могут строить оптимальную стратегию, а стараются найти некоторый приемлемый для себя удовлетворительный результат, который не обязательно является наиболее эффективным, получила название теории «ограниченной рациональности» (Г. Саймон). Ограниченная рациональность лежит в основе неинституциональной модели поведения индивида, так как определяется, прежде всего, уровнем «лимитированности познавательных способностей» каждого в получении, хранении и обработке информации. Признание факта несовершенных познавательных способностей индивидов в теории ограни-

ченной рациональности послужило стимулом к исследованию экономических институтов (О. Уильямсон), задачей которых стало эффективное восполнение недостающих звеньев.

Как видно, в случае с ограниченной рациональностью речь не идет о *преднамеренности* действий экономических субъектов, направленных на получение личной выгоды в ущерб другим, то есть о том, что отличает оппортунистическое поведение. Поэтому оппортунизм нельзя признать простым производным от способности человека к адаптации и обучению, необходимость в которых возникает из-за ограниченных познавательных способностей (такое мнение по-прежнему широко представлено в экономической литературе). Оппортунизм следует относить к этическим феноменам экономического поведения, так как человек в каждом конкретном случае совершает выбор между тем, выполнять обязательства, нормы закона или неформальные установления так, как это предписано, или прибегать к обману и другим формам недобросовестного поведения в целях реализации своих частных интересов, ухудшающих положение других. Так как каждый человек обладает вполне определенными моральными представлениями, желаниями и потребностями, то в каждом конкретном случае он совершает осознанный выбор, как ему поступить. То есть, как и в случае с нехваткой познавательных способностей, мы имеем дело с неинституциональной моделью поведения, которая, однако, порождается не ограниченной рациональностью, а «ограниченной моралью». Последнее ограничение актуализирует вопрос об исследовании социальных (экономических) институтов, которые могут структурировать модель поведения хозяйствующего субъекта таким образом, чтобы этические действия стали в ней ведущим мотивом. Задача социальных институтов в этой связи – сделать поведение участников более предсказуемым и минимизировать транзакционные издержки, обусловленные недобросовестными действиями.

Каким же образом должны быть устроены социальные институты, чтобы порождать у субъектов добровольные обязательства по выполнению правил? На этот вопрос как нельзя лучше ответил Дж. Ролз в своей известной книге «Теория справедливости»: общественные институты должны быть справедливыми [2, с. 19]. Соблюдение принципов социальной справедливости в экономике и общественной жизни (социальная справедливость, в отличие от справедливости вообще, имеет непосредственное отношение к институтам) порождает добровольное желание людей следовать правилам и действовать в соответствии с теми установками, которые способствуют достижению всеобщего блага.

Таким образом, для компенсации фактора «ограниченной морали» и регулирования этического поведения экономических агентов необходима институционализация социальной справедливости, выраженная в соответствующих нормах и правилах, а также организациях, их поддерживающих. Направления институционализации социальной справедливости в рыночной экономике определяются двумя ее основными принципами, которые кратко можно выразить следующим образом. Первый (базовый, приоритетный) принцип направлен на обеспечение равных прав участия в рыночном процессе, второй (компенсаторный) – на достижение комплексного равенства в распределении, исключающего избыточные неравенства и бедность¹. Процесс институционализации подразумевает реформирование, замену и создание новых институтов, ориентированных на выполнение принципов социальной справедливости, которые согласуются с фундаментальной целью экономики – обеспечением общественного благосостояния и сохранением культурной общности людей.

Институциональное регулирование оппортунистического поведения позволяет компенсировать пробелы рыночной координации там, где это сопряжено со сложностями, и поддерживать способность экономических агентов действовать в соответствии с нормами этики, снижая потребность в методах прямого административного воздействия. Для рынка, форми-

¹ О двух основных принципах социальной справедливости в рыночной экономике, которые ранжируются по приоритетам и оцениваются по критериям и показателям, подробно в книге Вахтина М.А. «Институциональные основания справедливой рыночной экономики» [3, с. 6-45].

рующегося в условиях трансформационной экономики России, институциональное регулирование может явиться хорошей альтернативой прямому государственному регулированию и контролю, основанному на силовых методах воздействия (речь не идет о полном отказе от них). Опыт показывает, что принятие комплекса государственных мер, направленных на противодействие коррупции, пока не имеет должного эффекта. В 2004 г. РФ присоединилась к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, в 2006 г. – к основным положениям Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенции ООН против коррупции. В соответствии с национальным планом противодействия коррупции был принят проект антикоррупционных законов, включая ФЗ «О противодействии коррупции», вступивший в законную силу в 2009 г. За ним последовали изменения в федеральное законодательство, касающиеся работы правоохранительных органов, таможни, военнослужащих. В соответствии с этими нормативными актами определены основные сферы и направления противодействия коррупции, предусмотрена антикоррупционная экспертиза действующего законодательства, ужесточена административная и уголовная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, учреждены новые федеральные надзорные структуры. Однако, несмотря на принимаемые меры, коррупция продолжает оставаться острой российской проблемой. Согласно рейтингу Transparency International по значению Индекса восприятия коррупции в 2012 г. Россия заняла 133-е место из 174 возможных, Индекс коррупции WGI Мирового банка также фиксируют ее высокий уровень [4]. Что касается данных общественного мнения, то половина россиян по-прежнему убеждены в неискоренимости коррупции в нашей стране. При этом с начала 2000-х годов доля пессимистов в этом вопросе в полтора раза или вдвое превосходила долю оптимистов, начиная с 2012 г. ситуация изменилась: эти две группы почти сравнялись за счет увеличения доли тех, кто поверил в принципиальную возможность справиться с коррупцией [5].

В значительной степени низкая эффективность антикоррупционных мер обусловлена тем, что они не дополняются соответствующими институциональными преобразованиями, направленными на восстановление социальной справедливости. При этом в стране сохраняются существенные ограничения, нарушающие требования базового принципа социальной справедливости – обеспечения равенства экономических возможностей, как в вопросах воспроизводства человеческого капитала, так и в вопросах поддержания экономической конкуренции. Так, российские и международные оценки изменения конкурентной среды в нашей стране фиксируют в последние годы ее ухудшение. Всемирный экономический форум снизил место России в рейтинге глобальной конкурентоспособности с 63-го в 2010 г. до 67-го в 2012 г., по показателю «Интенсивность конкуренции на товарных рынках» Россия опустилась с 115-го на 124-е место за этот же период [6]. При определенных положительных результатах, достигнутых в последние годы в вопросах демополизации российской экономики¹, еще многое предстоит сделать. Предложения ФАС России по проведению проконкурентных структурных реформ в экономике, связанных с распространением правил, регулирующих работу естественных монополий, на все доминирующие на рынке компании², с введением новой методики определения монопольной цены по методу сопоставления рынков³ сталкиваются с серьезным противодействием. Правила недискриминационного доступа к объектам инфраструктуры действуют в полной мере только в электроэнергетике и в сфере услуг аэропортов, конкурентная реформа в газовом секторе пока не началась, не создан региональный стандарт развития конкуренции.

¹ Утверждена «Дорожная карта» по развитию конкуренции и план мероприятий по ее реализации до 2015 г., образована Правительственная комиссия по вопросам конкуренции и развития малого и среднего предпринимательства, Коллегией ФАС утверждена Стратегия защиты конкуренции на период до 2024 г.

² По оценке ВШЭ в России у 113 компаний и 8 холдингов доля рынка составляет свыше 65% [7, с. 28].

³ В действующем Федеральном законе «О защите конкуренции» основным методом определения цены назван затратный, поэтому оценка, основанная на рыночных сопоставлениях российскими судами не поддерживается. По этой причине, например, ФАС недавно проиграла дело по иску против НЛМК.

В вопросах воспроизводства человеческого капитала, на которое в значительной степени влияет доступ каждого человека к таким социально значимым благам, как образование и здравоохранение, по-прежнему отмечается существенное неравенство [8–11]. Расходы на эти цели, согласно критериальным признакам «социального государства», должны составлять соответственно не менее 4 и 7% ВВП. По официальным данным, в 2014 г. расходы на образование в России снизились до 3,3% ВВП, достигнув своего максимума в 2012 г. (4,6%). Та же тенденция и в здравоохранении: доля всех бюджетных расходов опустилась в 2014 г. до 3% после своего максимума в 2012 г. – 4% ВВП. Как видно, государственные расходы в стране остаются недостаточными, чтобы поддержать должный уровень образования и медицинского обеспечения для всех, кроме того, имеют место существенные неравенства в получении этих общественных благ.

Нарушение принципов социальной справедливости влечет за собой отклонения в экономическом поведении, связанные с оппортунистическими действиями. Однако не все эти действия можно квалифицировать как коррупцию, которая отвечает признакам нелегального рентоориентированного поведения, совершаемого в ущерб обществу в целом. Последнее, на наш взгляд, относится к «активному» виду оппортунистического поведения, так как совершается лицами, обладающими достаточной степенью экономической свободы и монопольным, неконтролируемым доступом к общественным или коллективным ресурсам. Эти факторы положены в основу возникновения коррупционной сделки в известном «уравнении коррупции» Клитгаарда, согласно которому коррупция определяется степенью монопольной власти и правом принимать монопольные решения отдельными лицами, а также мерой их ответственности за свои действия (коррупция = монополия + свобода действий – подотчетность) [12]. При этом коррупцию не следует связывать только со злоупотреблениями в сфере государственного или муниципального управления, как это часто происходит, проблема имеет место и в бизнесе, и в политике. Поэтому наряду с обычными видами коррупционного поведения чиновников – взяточничеством, подкупом, получением незаконных доходов за счет вымогательства, нельзя исключать и другие ее формы – nepotизм (назначение на должности родственников и друзей), сговор, манипуляции государственным регулированием, клиентелизм и покровительство.

Другой вид оппортунистического поведения, которое мы квалифицируем как «пассивный», проистекает со стороны субъектов, ограниченных в своих действиях из-за недостаточной степени экономической свободы. Пассивный оппортунист нарушает правила по той причине, что считает их несправедливыми по отношению к себе, но активно проявить свою позицию и «выйти из игры» он не может. Незрелость рынка труда, низкий уровень заработной платы (факторы, которые играют существенную роль в современной российской экономике) удерживают работников от формального расторжения контрактов в случае нарушения их прав, но оборачиваются снижением трудовой отдачи, отклонением от производственных стандартов, несанкционированным присвоением или разрушением объектов собственности, плохим отношением к клиентам и т.п. Оба вида оппортунистического поведения получили в стране широкое распространение.

Таким образом, критерии, положенные в данной статье в основу разграничения оппортунизма на активный (коррупционный) и пассивный, существенно отличаются от тех, на которых основано разграничение на «предконтрактный» (*ex ante*) и «постконтрактный» (*ex post*) оппортунизм в теории агентских отношений. В таблице показаны отличительные признаки структурных элементов пассивного и активного оппортунизма.

Оба вида оппортунистического поведения могут быть в значительной степени нейтрализованы посредством институциональных мер. При этом для преодоления явлений пассивного оппортунизма и восстановления добровольного желания экономических субъектов выполнять правила достаточно предпринять действенные меры по восстановлению в обществе социальной справедливости.

Структурные элементы пассивного и активного оппортунизма

<i>Признаки</i>	<i>Виды оппортунистического поведения</i>	
	<i>Активный</i>	<i>Пассивный</i>
Положение агентов	Равное	Зависимое
Мотивация	Поиск квазиаренды	Отказ от подчинения несправедливым правилам
Характер проявления	Скорее скрытое, чем явное поведение	Скорее явное, чем скрытое поведение

Что касается коррупционного поведения, то здесь наиболее действенными могут оказаться институциональные меры, направленные на преодоление монопольного распоряжения ресурсами и обеспечение общественного участия в их использовании, то есть за счет развития демократии и экономической конкуренции. Действия, связанные с ужесточением государственного контроля и правового регулирования при сохранении существующих «правил игры», будут оставаться малодейственными и, что немаловажно, – более дорогостоящими. Подтверждением тому является российская хозяйственная практика, когда в ответ на ужесточение со стороны государства контроля и ответственности за противоправные действия экономические субъекты находят многочисленные способы их обойти [13, с. 76–79]. Ужесточение антикоррупционных мер в условиях нарушения принципов социальной справедливости не привело и не может привести к существенным положительным сдвигам в вопросах оппортунистического поведения, так как их эффективность в значительной степени зависит от способности самого государства эффективно и честно их осуществлять.

В истории противодействия коррупции на примере других стран можно наблюдать различные способы решения коррупционной проблемы. Китай и Сингапур, например, продемонстрировали высокую эффективность государственных мер по противодействию коррупции при переходе к рыночным отношениям. Их эффективность, что общепризнано, в значительной степени была обеспечена тем, что коррупцию удалось преодолеть в самом государственном аппарате, прежде всего в его центральном звене без серьезных демократических послаблений. Сингапур за счет честных, но достаточно жестких административных и правовых мер из страны с высочайшим уровнем коррупции за период с 1968 г. до начала XXI в. смог переместиться на одно из первых мест среди наименее коррумпированных современных государств. Другой пример – Швеция, которая отличается одним из самых низких уровней коррупции. Здесь меры противодействия были иными и касались прежде всего повышения экономического благосостояния населения, достижения социального равенства, преодоления бедности и воспитания честности как нормы поведения [14]. Этот набор факторов оказался более приемлемым для страны с социальным рыночным хозяйством, обладающей одним из самых высоких в мире уровней социального капитала [15, с. 178–182].

В целом имеющийся опыт антикоррупционных действий свидетельствует о том, что в тех странах, где посредством соответствующего институционального устройства поддерживается демократия и экономическая конкуренция, коррупция не является системным заболеванием. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть в обратной последовательности список стран по рейтингу коррупции Transparency International, где самыми коррумпированными оказались Сомали, Северная Корея, Афганистан, Судан, Узбекистан, Туркменистан, Ирак, Венесуэла и т.д. Поэтому прямые административные антикоррупционные меры следует рассматривать в комплексе с действиями, восстанавливающими справедливое институциональное устройство. Обеспечение равных прав доступа к рынку для всех участников, предотвращение экономически необоснованного избыточного неравенства доходов – важнейшие нормативные установки, которыми следует руководствоваться при формировании новых

и корректировке действующих социальных институтов в России. Эти меры способны в значительной степени снизить уровень любых видов оппортунистического поведения, в том числе коррупции, повысив значимость не только государственного регулирования, но и общественного контроля. Поэтому при ответе на вопрос, вынесенный в название статьи, следует исходить из того, что, придавая должное значение вопросам образования и воспитания человеческих добродетелей [16, с. 15–17], их необходимо постоянно поддерживать посредством институциональных преобразований, направленных на поддержание в обществе социальной справедливости. Последние способны в значительной степени сократить отрицательные последствия «ограниченной морали» и предотвратить тот необратимый факт, когда антиобщественное поведение станет массовой практикой, искажающей весь хозяйственный процесс.

Литература

1. Белокрылов К.А. Эволюция института коррупции в России: историко-генетический подход // Эволюционные и институциональные механизмы современной модернизации. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. С. 78–89.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
3. Вахтина М.А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики. Самара: Самарский научный центр РАН, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/download/46548440.htm>
4. Россия в Индексе Восприятия Коррупции-2012: новая точка отчета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatia-korruptcii-v-indeks-evospriiatia-korruptcii-2012-novaia-tochka-otscheta>
5. Искоренима ли коррупция? Фонд «Общественное мнение», 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/iskorenima-li-korruptciya>
6. Доклад ФАС «О состоянии конкуренции в Российской Федерации», 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fas.gov.ru/about/list-of-reports/list-of-reports_30077.html
7. Деньги // Экономический еженедельник издательского дома «Коммерсантъ». 2014. № 28.
8. Великая Е.Г. Модель человеческого капитала в России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 4 (15). С. 14–17.
9. Замалетдинова Э.Н. Противоречия в воспроизводстве человеческого капитала в условиях институциональных преобразований // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 1. С. 18–21.
10. Семикина А.В. Инновационное социальное развитие как условие повышения конкурентоспособности человеческого капитала // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2012. № 1. С. 51–53.
11. Великая Е.Г., Чурко В.В. Личностное измерение человеческого капитала // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4 (15). С. 43–46.
12. Klitgaard R. Adjusting to reality: Beyond «state versus market» in economic development. San Francisco: ICS Press, 1991.
13. Климанова Н.Г., Трифонова Т.А. Ценностные ориентации современных предпринимателей // Карельский научный журнал. 2013. № 4. С. 76–79.
14. Бродман Г., Риканатини Ф. Корни коррупции. Важны ли рыночные институты? World Bank, 2008.
15. Игнатова Т.В., Игнатов В.Г. Экспертные оценки социальной политики и взаимодействия государства и бизнеса на Юге России // Российское предпринимательство. 2012. № 12 (210). С. 178–182.
16. Боданова А.В., Коновалова Е.Ю. Управление качеством образования в информационном обществе как актуальная социально-педагогическая проблема // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2012. № 1. С. 15–17.

Belokrylova Olga Spiridonovna, Doctor of Economics (DSc), Professor of the Department of Economics, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: belokrylova@mail.ru

Vakhtina Margarita Anatolievna, Doctor of Economics (DSc), vice rector, Volga Region State University of Service (4, Gagarin St., Tolyatti, 445677, Russian Federation). E-mail: vahtinama@mail.ru

**THAT GENERATES CORRUPTION: INSTITUTIONAL SYSTEM OR HUMAN ESSENCE?
TO A QUESTION OF THE NATURE OF OPPORTUNISTIC BEHAVIOR**

Abstract

On the basis of the provision on "limited morals", being cornerstone of opportunistic behavior, need of improvement of social institutes locates in article in the direction of ensuring social justice. The original typology of opportunism depending on degree of economic freedom of subjects is offered. From these theoretical positions authors offer the institutional measures directed on overcoming of active (corruption) and passive opportunistic behavior.

Keywords: *limited morals, limited rationality, active opportunism, passive opportunism, social institutes, corruption.*

References

1. Belokrylov K.A. Jevoljucija instituta korrupcii v Rossii: istoriko-geneticheskiy podhod // Jevoljucionnye i institucional'nye mehanizmy sovremennoj modernizacii. Rostov n/D: Izd-vo JuFU, 2011. S. 78-89.
2. Rolz Dzh. Teorija spravedlivosti. M.: Izd-vo LKI, 2010.
3. Vahtina M.A. Institucional'nye osnovaniya spravedlivoj rynochnoj jekonomiki. Sama-ra: Samarskiy nauchnyj centr RAN, 2013. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://elibrary.ru/download/46548440.htm>
4. Rossija v Indekse Vospriyatija Korrupcii-2012: novaja tochka otcheta. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatia-korrupcii-v-indekse-vospriatia-korrupcii-2012-novaia-tochka-otscheta>
5. Iskorenima li korrupcija? Fond «Obshhestvennoe mnenie», 2012. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/iskorenima-li-korrupciya>
6. Doklad FAS «O sostojanii konkurencii v Rossijskoj Federacii», 2013. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.fas.gov.ru/about/list-of-reports/list-of-reports_30077.html
7. Den'gi // Jekonomicheskij ezhenedel'nik izdatel'skogo doma «Kommersant#». 2014. № 28.
8. Velikaja E.G. Model' chelovecheskogo kapitala v Rossii // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie. 2013. № 4 (15). S. 14–17.
9. Zamaletdinova Je.N. Protivorechija v vosproizvodstve chelovecheskogo kapitala v uslovijah institucional'nyh preobrazovanij // Aktual'nye problemy jekonomiki i prava. 2011. № 1. S. 18–21.
10. Semikina A.V. Innovacionnoe social'noe razvitie kak uslovie povyshenija konkurentosposobnosti chelovecheskogo kapitala // Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie. 2012. № 1. S. 51–53.
11. Velikaja E.G., Churko V.V. Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo kapitala // Vektor nauki Tol'jattinskogo gos. un-ta. Serija: Pedagogika, psihologija. 2013. № 4 (15). S. 43–46.
12. Klitgaard R. Adjusting to reality: Beyond «state versus market» in economic development. San Francisco: ICS Press, 1991.
13. Klimanova N.G., Trifonova T.A. Cennostnye orientacii sovremennyh predprinimatelej // Karel'skiy nauchnyj zhurnal. 2013. № 4. S. 76–79.
14. Brodman G., Rikanatini F. Kornj korrupcii. Vazhny li rynochnye instituty? World Bank, 2008.
15. Ignatova T.V., Ignatov V.G. Jekspertnye ocenki social'noj politiki i vzaimodejstvija gosudarstva i biznesa na Juge Rossii // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2012. № 12 (210). S. 178–182.
16. Bogdanova A.V., Konovalova E.Ju. Upravlenie kachestvom obrazovanija v informacion-nom obshhestve kak aktual'naja social'no-pedagogicheskaja problema // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2012. № 1. S. 15–17.